

О. В. Кириченко

Конвертация богатства в советскую эпоху (1950-е – 1990-е годы)¹

Государственный проект конвертации богатства

Вкратце обозначим особенности модели конвертации богатства, сложившейся в 1920-е — 1930-е годы. Напомним, что в предыдущей статье² нами обозначена православная логика понимания богатства, в этом особенности ее методологии, языка и всей научной драматургии (столкновения разных смыслов: христианских и атеистических, светских и церковных). Советское государство, монополизировав право получения доходов и пути движения расходов, стало единственным в стране реальным распорядителем денег. Для нашей темы важно, что в этот объем распорядительных функций государства не могли не войти и деньги, которые требовали обязательной конвертации, иными словами преобразования материальных денег в идеальные (духовные). Неумолимый закон существования богатства подразумевает обязательность существования двух его видов. Богатство рождается в процессе человеческой деятельности, где обязательны не только труд (самый разный), но нравственное и религиозное составляющие богатства как качества, присущие человеку и его труду, по определению. Поэтому нравственная часть обязательно попадает в общую копилку материального продукта, который мы обозначаем термином «богатство». Во всяком случае, ничем другим не объяснишь наличие у богатства «совести», в лице конвертируемых, духовных денег. И именно духовная часть богатства должна быть представлена Богу; и не просто как «отчет о проделанной работе», но как своего рода «накопительная пенсия» для человека в его будущей, неземной жизни. Кроме того, идеальная составляющая имеется не только в материальном продукте, но и в

самом человеке, который распоряжается этим продуктом. В соответствии со своей совестью (и духовностью) и наличием идеального компонента в продукте (богатстве) человек не может использовать его сугубо утилитарно, только как материальное явление, но он должен обязательно конвертировать некоторую часть продукта. Такова заповедь Бога, которая была дана человеку на все века, начиная с его послерайского состояния. В ветхозаветный период такое отделение части продукта (богатства) являлось жертвой Богу, зримым, живым символом особой — покаянной — связи человека и Бога. Отсюда же эта «Божья доля» могла употребляться и на добрые дела: помощь нищим, вдовам и вообще нуждающимся. В библейских словах «хочу милости, а не жертвы» заключена та правда, которая говорит о необходимости для человека переключить свое внимание (ставшее со временем во многом формальным) с Неба на земные дела — дела милосердия, требующие такого же внимания и усердия, какое человек имел к Богу через жертвоприношение.

Таким образом, уже в ветхозаветный период у всего человеческого сообщества на Земле сложилось четкое понимание механизма конвертации богатства. Христианство не только углубило это понимание, но и наполнило его новым содержанием. Жертвой Богу стала не только материальная жертва храму, но и духовно-покаяльные труды человека. Также углубилось и изменилось понимание милосердия. Оно стало определяться понятием «ближний», т.е. тем, кто независимо от своего социального статуса, веры и национальности в данный момент нуждается в твоей помощи. Кроме того, в христианстве

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00455.

² Кириченко О.В. Советская модель конвертации богатства. 1920-е – 1930-е годы // Традиции и современность: Научный православный журнал. 2015. № 15. С. 3–38.

жертва Богу и дела милосердия были слиты в одно неразрывное целое («что делаете другим, то делаете Мне»), вследствие чего «милосердие» и «жертва» стали одной совокупностью распоряжения богатством, одним опытом его конвертации. «Всемирная отзывчивость», о которой писал Ф.М. Достоевский, говоря о русском народе, — явление, должное быть общим для всех христиан Земли, а не только русских. Но поскольку только русский народ, сохранив неповрежденной веру (и создав огромное многонациональное государство), он сохранил неповрежденной и «всемирную отзывчивость» — единство милосердия и жертвенности. В каждом добровольном конвертационном акте «милосердного самарянина» обязательно присутствует милосердие и жертва — обращение к Богу и другому человеку, — которые и получают преобразование, конвертируются. Жертва Богу достигает Творца как благодарность от жертвоприносителя, милосердие же — через благодарение Богу за того, кто оказал милость в ней нуждающемуся. К Богу одновременно доходят две благодарности: от самого «милосердного самарянина», совершившего доброе дело, и от человека, которому он оказал помощь. И обе эти благодарности связаны с одним лицом — оказавшим милость. Через жертву «самарянин» словно говорит Богу, что не он причина милосердия, а лишь Бог, который позволил, чтобы добро совершилось и дошло до Неба. Таким образом, мы вправе говорить, что в основе христианской конвертационной модели лежит покаянное зерно.

Советский опыт конвертации складывался стихийно, как следствие постепенного открытия большевиками конвертационной способности богатства, закладываемой в него самой трудовой деятельностью человека, хочет того человек или не хочет. Вопрос же в том: как большевики об этом узнали? Прежде всего, из самого понимания революционной борьбы, как борьбы жертвенной. Понятие жертвенности, жертвы было близко русской интеллигенции, которая долгие десятилетия транслировала вовне характер своего народолюбия «как жертвенное служение народу», принесение себя в жертву ради народного счастья. Мотив жертвенности был характерен и для многочисленной еврейской части большевиков-революционеров, что нельзя не учитывать. Не чужда большевикам была и классовая идея «о милости к падшим», т.е. той части народа (пролетариата и беднейшего крестьянства), ради которого (хотя бы теоретически) революция совершалась. Но по какой причине произошло

сужение поля советской конвертации до одних только женщин, поскольку, в конечном счете, только они были выбраны в качестве объекта конвертации? Большевики декларировали в своих лозунгах защиту «падших» и говорили, что ради «униженных и оскорбленных» совершалась революция. Кто эти самые главные «униженные», поначалу было не ясно.

Нам кажется, что в первый период революции (при Ленине) преобладал широкий взгляд на «падших»: сюда вошли и «национальные меньшинства», и падшие женщины, и бедняки в целом, и, конечно, пролетариат. Прошел какой-то срок (до середины 1920-х годов), и ситуация с «падшими» стала вырисовываться более ясно. Национальные меньшинства к этому времени достигли (в своих правах) многого (сразу и все), они достигли своего приемлемого среднего уровня, который можно было постепенно повышать, но уже не в рамках кардинального решения «национального вопроса», а — экономического, культурного и т.д. Так же было и с другими категориями «падших»: численность пролетариата увеличивалась, и ничего нового в перспективе от него не ожидалось; бедное крестьянство определенными экономическими и политическими средствами предполагалось вывести из состояния бедности или обратить его в пролетариат. Оставалась одна общность — женщины, — которую нельзя было в одночасье сделать советской, поскольку она была в большинстве своем крепко привязана к старой традиции: к домашнему семейному очагу, вере, Церкви (главному врагу советской власти). Ее нельзя было записать целиком во враги, чтобы начать манипулировать ею. Женщину следовало долго и последовательно преобразовать в нового человека. Тем более у женщин была уже своя революционная история (а значит и заслуги перед партией!), связанная с «великими именами» как российских женщин-революционерок, так и зарубежных. Так что именно на женщину власть обращает свой взор и ее делает главным объектом своего внимания на долгие годы.

В ленинский период был заложен фундамент проекта, началась его реализация, приостановленная, однако, изменившейся международной обстановкой, заставившей большевиков на время отказаться от утопического направления в пользу более реалистичных задач. Долговременной задачей являлось создание коммунистической, партийной женщины, но приближающаяся война заставила основное внимание уделить «производственной женщине». В этом и заключалась главная особенность советской модели конвертации богатства, которая

действовала в 1930-е и 1940-е годы. Главным богатством становилась для страны «новая женщина» — производственница и колхозница, — ведь только благодаря ей можно было в короткие сроки (задействовав этот гигантский человеческий ресурс) решить проблему индустриализации и коллективизации.

Несомненно, перед женщинами, которым предстояло стать «новыми», ставился вопрос о «жертвенности». Отказ от семьи, быта, религиозной традиции рассматривался не только в парадигме «преодоление отсталости и пережитков», но и в «аскетическом» ключе самоограничения. В годы Гражданской войны и после предполагалось жертвовать ради торжества мировой революции, в 1930-е годы, когда сменился вектор пролетарской активности с внешнеполитического на внутреннеполитический, становится приоритетной защита рубежей советской Родины. Большевики, несомненно, апеллировали к жертвенным чувствам русской женщины, когда призывали ее на строительство новых объектов индустрии. И хотя в идеологических воззваниях, зовущих к укреплению военного потенциала страны, защищающего «первое в мире народное государство», не звучало понятия «Россия», а только слово — «Родина», «Советская Родина», тем не менее было понятно, что речь идет именно о России в ее традиционном понимании. И чем ближе подступала война, тем более прорусским становился язык пропаганды, тем реалистичнее становилось поведение власти³. Без этого реализма и апелляции к исконным, традиционным ценностям и приоритетам вообще нельзя было решить проблему скорого привлечения миллионов русских женщин на производство. В свете сказанного и следует рассматривать жертвенный подвиг женщин в этот период; их массовое участие в индустриализации и коллективизации не было вкладом «в копилку социализма», но они действовали в пользу Родины, России, желая ее спасения в условиях нарастающей опасности новой Мировой войны. Женщины готовы были оставить привычный уклад (семейный, бытовой, хозяйственный и даже — религиозный (!)) ради блага своей Родины. Вот почему «новая женщина» 1930—1940-х годов не может считаться «идеологическим продуктом» советской эпохи (от советскости у нее был только факт отрыва от лона традиции), правильнее в ней видеть «женщину традиции», попавшую в

сложнейшую историческую ситуацию, из которой был найден правильный выход. Обманутая идеологией и не имеющая иной мотивации, кроме «советской», русская женщина никогда не решила бы тех масштабных задач, которые стояли тогда перед страной. Зерно нравственности, легшее в основу создаваемого женщиной «продукта», и было той конвертируемой частью государственного богатства, в которой оно (государство) нуждалось в этот период.

Именно поэтому жертвенный мотив и смог породить саму атмосферу энтузиазма, столь важный воспитательный элемент новой женщины. Энтузиазмом была пронизана атмосфера 1930-х годов, им естественно дышало большинство русских женщин. На этой женской волне советского гражданского патриотизма происходило не только реальное строительство тяжелой индустрии, но и воспитание гражданских чувств в стране в целом. Производственные цели замыкались в одно кольцо с патриотическими чувствами и рождали небывалые ощущения преодоления человеком любых трудностей и преград. Главные испытания для страны наступили, когда началась Великая Отечественная война — время сражений, столкновения военных сил, но и время испытания на ресурсоёмкость, на выдержку человеческих сил. И здесь, как нам кажется, женщина и позволила стране выдержать тяготы и испытания по всем направлениям.

В Красной Армии находилось 800 тыс. женщин, 56% всех трудившихся в промышленности были женщины, в сельском хозяйстве их было 91,7%⁴. Женщины валили и грузили лес, добывали в шахтах уголь, трудились в производственных цехах, 39,4% их работало на железной дороге, причем на самых тяжелых постах: кочегарами, смазчицами, стрелочницами, на паровозной и грузовой службе. Они поднимали шестнадцатикилограммовые бидоны для смазки, бросали по 17 тонн угля в топку паровоза за одну поездку⁵. В каждой русской семье сохранились эти воспоминания о войне, и не только о солдатах, но и о женщинах и подростках, работавших в тылу. Моя тетя Анастасия, которую я никогда в жизни не видел, трудилась в годы войны в Самаре на производстве. Ей еще не было тридцати. От постоянной работы с тяжестями она тяжело заболела и умерла в конце войны. С завода моей бабушке сообщили, что ее дочь лежит тяжело больная, и та, приехав

³ Кириченко О.В. Русская земля, Отечество, Святая Русь, Родина как обозначения этнического пространства русских // Традиции и современность: Научный православный журнал. 2012. № 12. С. 34–35.

⁴ Галаган В.Я. Советская женщина: портрет в ретроспективе. Киев, 1990. С. 24.

⁵ Там же. С. 31.

из деревни, за 100 км от города, увезла ее домой умирать. Сама бабушка Аганя (Агафья Иосифовна Лазарева), родившая к тому времени восьмерых детей, от тяжелейших работ на колхозном поле получила грыжу и прогрессирующее ухудшение зрения, закончившееся позже полной слепотой. Но никогда она не сетовала на тяжелую жизнь, словно по-другому и нельзя было — и трудиться, и умирать.

Нельзя отрицать объективности процесса массового вовлечения женщин в производство в советский период, вызванного характером глобальных изменений в мире и новым характером войн (мировых), заставляющих отдельные государства принимать нестандартные решения для привлечения новых сил в производство. Мировая война — это война не только на истребление, но и на истощение противника. Женщина в этих условиях была использована в мобилизационных целях как последний значительный российский ресурс в условиях ведения одной и второй мировых войн. Причем в России в период Второй мировой войны уровень вовлечения женщин в производство оказался выше, чем в других странах (на 1980 г.): в СССР — 51 %, во Франции — 38,8 %, в Испании — 29 %, в ФРГ — 33,5 %, в США — 42%⁶. При этом внутри Советского Союза уровень вовлеченности женщин в производство не был одинаковым в разных республиках⁷: в Латвии — 55 %, Эстонии — 55 %, Белоруссии и РСФСР — 53 %, на Украине — 52 %, в Грузии — 46 %, Узбекистане 43 %, Туркменистане — 40%⁸.

Нельзя при этом не учитывать того, что в годы войны средствами идеологии лепился обобщенно-символический образ «Родины-матери», сыгравший огромную роль в деле мобилизации национальных чувств⁹. Так образ «новой женщины» получил свое не только конкретное значение («женщины-производительницы», «женщины-колхозницы»), но и одобренное государственной властью символическое признание «жертвенного» характера ее подвига (трудового и военного) в предвоенные и военные годы. Этот факт говорит в пользу нашего предположения о том, что именно «женщина» была выбрана советской властью в качестве

главного объекта конвертации, и эта конвертация состоялась в военный период. Но, поскольку именно Мировая война была единственной целью, оправдывающей разрыв женщин с традицией, то встает вопрос о послевоенной судьбе советской и русской женщины, когда опасность миновала. Советская власть сразу же решила воспользоваться ситуацией, чтобы начать возвращение к «женщине коммунистической» вместо «женщины производственной». Тем более, что последняя никуда назад из производства возвращаться уже не собиралась (просто не могла). Возвращение к утопическому проекту 1920-х годов началось еще при Сталине, но полномасштабно преобразования развернулись только при Хрущеве. Неотроцкистская идеология нового партийного вождя облекалась в одежды возвращения к «чистому ленинизму», якобы нарушенному волюнтаризмом Сталина. Партийно-идеологический фактор вместо экономического опять стал выходить на первый план, опять развернулась активная борьба за коммунизм, возобновилась силовая атака на Церковь и традиционные ценности. В этой связи женщина стала рассматриваться, опять как в начале 1920-х годов, как особо ценный идеологический материал для идейного просвещения масс. При этом советская власть не двигалась в сторону облегчения женского труда, как предполагалось в перспективе. Огромное число женщин продолжало работать в ночную смену, условия труда у очень многих не соответствовали нормам. Особо много проблем накапливалось в сельском хозяйстве, где только в 1970-е годы женщинам начали выплачивать крохотную пенсию, сначала 4, а потом 12 руб.¹⁰ Так вплоть до конца советской власти и остались нерешенными проблемы тяжелого женского труда на производстве, в том числе на вредном; охраны материнства на деле, реальной помощи семье, хотя бы частичного вывода женщины из производственной и иной трудовой деятельности, мешающей нормальному существованию семьи.

Для подготовки рядовых кадров идеологических работников и просто идейно просвещенных женщин по всей стране начинают создаваться женсоветы. «Они являются помощником партии

⁶ Мартынова Э.И. Формирование духовного мира советской женщины. Красноярск, 1983. С. 26.

⁷ Конечно, он был высоким даже в среднеазиатских республиках, прежде всего за счет привлечения из центра «русского ресурса».

⁸ Мартынова Э.И. Указ. соч. С. 26.

⁹ Кириченко О.В. Русская земля, Отечество, Святая Русь, Родина как обозначения этнического пространства русских. С. 34—50.

¹⁰ Такие выплаты получала моя бабушка, «бывшая колхозница», проживая в городе последнюю четверть века своей жизни.

и советских органов в деле коммунистического воспитания женщин»¹¹, — как гласила официальная установка. Во второй половине 1950-х — 1960-х годах их было создано около 240 тысяч¹². В соответствии с формальными отчетами тех лет советы подготовили 2 млн. 300 тыс. активисток. Этот «идейно передовой отряд» женщин должен был заниматься просвещением народа на производстве и в обществе. Женские советы имели разнопрофильные секции: производственные, семейно-бытовые, культурно-массовые, по охране материнства и детства¹³. Например, целью производственной секции было привлечение женщин к производству и забота об охране труда. Опять вплотную занялись вопросами раскрепощения женщины от домашнего труда. В массовом порядке создавались столовые, прачечные, детские сады, по американскому образцу — дома быта¹⁴.

Женсоветы имели строго иерархичную структуру: районные, городские, областные, которые курировались республиканскими и общесоюзными советами. На официальном языке необходимость в женсоветах объяснялась создавшимися условиями, приведшими к «дальнейшей демократизации советского общества, развития социалистического самоуправления»¹⁵. Кроме идейной подковки, женсоветы занимались и практическими вопросами, большей частью связанными с судьбами детей, оставленных без материнского воспитания. Женсоветы действовали параллельно другим структурам, ответственным за конкретную сферу помощи ребенку из трудной семьи или брошенному матерью. Через женские советы, в том числе, начала проводиться популяризация времени первых лет революции, ее героев и деятелей. На лекции и беседы приглашались престарелые участники революции, партийные функционеры. Как и делегатские собрания в свое время, женсоветы работали в тесном контакте с партийными и советскими органами.

Партия, начиная с Хрущева, все время звала вернуться «к ленинским нормам», говоря, что только это позволит решить все трудные женские вопросы¹⁶. Вот, например, как оценивает роль

женщины в СССР партийный функционер на закате советской эпохи: необходимо возвращаться к ленинским нормам решения женского вопроса, поскольку после Ленина и до сих пор «щедро и подчас бездумно используют самоотверженный труд женщины». Автор отмечает: «Советская женщина — патриот и интернационалист, знаменосец мира и неутомимый борец за справедливость»¹⁷. Какая-либо альтернатива атеистическому мировоззрению рассматривается как враждебная советской власти. Отсюда позиция: «атеизм является одной из отличительных черт духовного мира советской женщины»¹⁸.

Соревнование опять становится актуальным инструментом идейного воспитания. Провозглашается движение за коммунистический труд, в рамках которого партийные работники разрабатывают разные формы соревнований: индивидуальные социалистические обязательства, коллективное соревнование, за звание бригады коммунистического труда, конкурс «лучший по профессии», почин «работать без отстающих», ударник коммунистического труда, договор на соревнование и др. Партактивисты требуют, чтобы труд был новаторским, т.е. чтобы трудящиеся постоянно проявляли какие-либо инициативы (встречные планы и т.д.). Кроме женсоветов женщины принимают самое деятельное участие (до 50%) в постоянно действующих производственных совещаниях (ПДПС). Они существуют в комиссиях по качеству, в виде бюро нормирования труда и т.д.¹⁹. На них постоянно идет мониторинг качества работы, а также рассматриваются рационализаторские предложения.

Еще одной формой вовлечения женщины в общественно активную жизнь было создание по всей стране (38 тыс.) народных университетов. Назывались они трехгодичными университетами культуры и быта. 40% лекций в этих заведениях было посвящено общественно-политическим вопросам. Университеты принимали слушательниц из крестьянок и горожанок. Из 4 млн. учащихся народных университетов было 2 млн. женщин²⁰. В эти годы проводится большое

¹¹ Мартынова Э.И. Указ. соч. С. 165.

¹² Галаган В.Я. Указ. соч. С. 39.

¹³ Мартынова Э.И. Указ. соч. С. 166.

¹⁴ Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970—1980-е годы. М., 2007. С. 209.

¹⁵ Мартынова Э.И. Указ. соч. С. 166.

¹⁶ Максимова Р.И. Советские женщины — строители коммунизма. Л., 1960. С. 16.

¹⁷ Галаган В.Я. Указ. соч. С. 44.

¹⁸ Мартынова Э.И. Указ. соч. С. 155.

¹⁹ Там же. С. 37.

²⁰ Там же. С. 151.

число женских слетов, съездов, конференций. Специально для женщин общество «Знание» проводит циклы лекций. Новой формой привлечения женщин стали женские клубы по интересам, обязанные проводить на своих площадках различные женские партийные мероприятия²¹.

Важным идеологическим рупором партии становится и Комитет советских женщин — КСЖ (с 1956 г.), созданный в годы войны как антифашистский комитет советских женщин. Поскольку опять в рамках неотроцкистских идей (которые, надо сказать, начали возрождаться уже при Сталине, в послевоенный период!) встал вопрос о мировой революции, и женская энергия могла здесь пригодиться. Объединением «женских прогрессивных сил» в мире и занимался КСЖ вместе с советским Фондом мира, советским комитетом защиты мира, советским комитетом солидарности стран Азии и Африки, комитетом солидарности с патриотами Чили, союзом обществ дружбы и культурных связей с зарубежными связями. В рамках международной женской деятельности издавалось большое число переводной публицистической литературы: труды Ленина о женщинах, работы о положении советских женщин в СССР, журнал «Советская женщина» на русском, английском, немецком, французском, японском и др. языках. В Советском Союзе совокупный тираж сорока трех женских журналов составлял 28 млн экземпляров²². К воспитанию «новой женщины» активно подключилось и телевидение. Так появились передачи «Клуб Москвичка», «А ну-ка девушки!», цикл передач «Советские женщины», «Семья и общество» и др.

Женщины начинают опять, как в 1920-е годы, активно втягиваться в партию. Сразу после Февральской революции в партии было 9,9% женщин (все вновь вступившие весной и летом 1917 г.); в 1918 г. — 11,7%; в 1919 — 36,4%; в 1920 — 27,4%; в 1921 — 10,1%²³; в 1924 г. — 9% (и 11% кандидаток). Резкий рост женских партийных рядов начинается после кончины Ленина, в результате «ленинского призыва». С 38 500 чел. на 1 января 1924 г. эта цифра увеличилась до 76 500 чел. в 1925 г.; в 1926 — 129 000 чел.; в 1927 г. — 148 000 чел.²⁴ В 1937 г. их было 293 059 (14,8%), в 1947 г. — 1 102 424 (18,2%), 1967 г. — 2 647 074 (20,9%), 1977 г. — 3 947 616 (24,7%)²⁵. По ука-

занным цифрам видно, что в первой половине 1920-х годов наблюдалось определенное массовое разочарование партийной деятельностью, что и послужило причиной падения численности женских партийных рядов. Дальнейший рост, после кончины вождя, был связан с изменением содержания партийных задач, привязке их к конкретике экономического строительства.

Не надо забывать, что втягивание женщин в партию означало еще и соби́рание партийных взносов с членов партии, которые шли на поддержку коммунистического движения во всем мире. Эти вклады тоже можно рассматривать как своего рода конвертацию (точнее, антиконвертацию), т.е. вклад в будущее, в которое коммунисты верили. В ходе полевых опросов жителей Воронежской, Тамбовской и Липецкой областей нами задавался вопрос о сохранении веры в 1960-е годы. Нередко в своих ответах наши респонденты говорили о предложениях им стать коммунисткой. И порой было сложно отказаться от настойчивых предложений. Тема пребывания в партии нередко обсуждалась в региональной прессе, приводились примеры косного отношения «старого поколения», мешающего молодежи выбрать свою дорогу. Так, в воронежской областной газете «За коммунистический труд» описывается случай, когда девушка, под воздействием уговоров матери долго не соглашавшаяся вступить в партию, потом вступила, но билета не взяла. Секретарь парторганизации пришел к ней домой, увидел там иконы и горящие лампы и услышал от матери такие слова: «Ходит в кино, выписывает газету, работает с подругами в колхозе, чего ей (т.е. вам. — О.К.) еще надо?»²⁶. Православные люди понимали, что каждая ступень по этой коммунистической лестнице ведет их не в рай, а в противоположное место, поэтому и отстаивали, как могли, свое право не подниматься слишком высоко.

В 1970-е годы налицо уже существование целого ряда вопиющих противоречий между теорией и практикой социалистического строительства. Так, партия, превознося в женщине партийную, трудовую и общественную активистку, не может не подчеркивать (хотя бы на словах) позитивность семейных ценностей. В число примеров таких противоречий можно отнести и возвеличивание многодетной матери. Именно категория

²¹ Там же. С. 152.

²² Там же. С. 173.

²³ Смиттен Е. Женщина в РКП // Коммунистка. 1924. № 4. С. 8–9.

²⁴ Ярославский Е. Первое десятилетие // Коммунистка. 1927. № 10. С. 5.

²⁵ Мартынова Э.И. Указ. соч. С. 45.

²⁶ Авдеев В. Как это произошло // За коммунистический труд. Газета Воронежской обл. 1964. 20 марта. С. 2.

многодетных матерей получила от партии право чествоваться и награждаться орденами и званиями. Остальные женщины отмечались правительством по другой номинации: за доблестный труд и т.п. Само звание «За многодетное материнство» появилось в 1944 г. как новый партийный и правительственный заказ советской женщине, но в последующее время, когда никаких условий для многодетности не предоставлялось, а важен был лишь один результат, это звание сделалось неким архаизмом, или исключением из правил. Конечно, нет смысла считать советским чудом эту сохранившуюся с прошлых времен категорию многодетных матерей, бывшую до революции повсеместным явлением. Есть подозрение, что вообще не велось строгого учета числа многодетных, особенно в той их части, которая относилась к матерям с 5-6 детьми, продолжавшей быть на селе если не массовым, то нередким явлением в 1950–1960-е годы²⁷. Но советской власти не нужна была реклама традиционной семьи, ей было важно показать многодетность как исключение, которое советская власть не отвергает, но пестует и даже отмечает наградами. А официальные цифры таковы: с 1944 по 1976 г. за многодетность (минимум 5 детей в семье) было награждено 13 млн. 548 тыс. женщин. Из них за 10 человек детей (мать-героиня) — 183 тыс., за 7-9 детей (материнская слава) — 3 млн. 572, за 5-6 детей (медаль материнства) — 9 млн. 788 тыс. женщин²⁸.

Обратим внимание на советскую научную трактовку женской мотивации отношения к труду при социализме. Автор, философ и социолог, видит в советских женщинах «классово-дифференцированную группу», т.е. почти что особый класс²⁹. Она отмечает, что социализм сформировал особый тип женщины, с коллективистской психологией, что позволило женщине сознательно относиться к труду. В свою очередь сознательное отношение к труду позволило родиться особому характеру, где главное — «настойчивость в достижении поставленной цели, самостоятельность суждения, активность, стойкость, решительность»³⁰. При этом автор не касается обратной стороны медали, а именно — описания потерь от «раскрепощения», которые по-

Звезда Мать-героиня

несла женщина, семья и русская традиция в целом. Постсоветская же статистика упорно настаивает на том, что женщина только выиграла от произошедших с ней перемен³¹. Среднестатистический срок продолжительности ее жизни увеличился с 33,4 в 1897 г. до 72,5 в 1979 г. А показатель экономической самостоятельности (возможности независимо от мужчины зарабатывать и тратить деньги) вообще скакнул с 3,9 до 53 лет, т.е. в 14 раз и стал равным показателю у мужчин. Перелом «в борьбе женщины за экономическую самостоятельность» произошел, как считается, в середине 1960-х годов и был связан «с резким переливом ресурсов труда из домашнего хозяйства в общественное производство»³². За счет целенаправленного разрушения деревни (укрупнения, превращения в совхозы) как последнего очага патриархальной (хотя уже и искаженной колхозным строем) традиционности и произошла мобилизация последних женских ресурсов в производство. Женщина в массе своей окончательно была оторвана от земли, что фиксирует и статистика. Период занятости женщин в личном хозяйстве сократился с 1959 по 1970 г. с 7,3 лет до 1 года³³.

²⁷ Об этом свидетельствуют полевые материалы, собранные нами в разных областях России.

²⁸ Белоглазова Г.В., Савинова Л.Н. Советская женщина — активная участница коммунистического строительства (методический материал в помощь лектору). М., 1977. С. 21.

²⁹ Мартынова Э.И. Указ. соч. С. 7.

³⁰ Там же. С. 25.

³¹ Миловидов А.С. Изменения в структуре экономической жизни мужчин и женщин в России и СССР // Вестник статистики. 1987. № 11. С. 43.

³² Там же.

³³ Там же. С. 44.

Женский труд был выгоден во многих отношениях: во-первых, это был дополнительный мощный поток сил, пришедших на производство; во-вторых, женский труд среди неквалифицированного труда преобладал, его можно было мотивированно использовать, длительное время не затрачивая дополнительных средств на механизацию и автоматизацию; в-третьих, женщины несравнимо более сознательно относились к труду, о чем говорила и статистика³⁴; и наконец, они, придя в эту сферу из семьи, не имели еще накопленного чувства «пролетарской усталости», но смогли привнести сюда (и по специфике женской ментальности) воодушевление, оптимизм и бодрость духа.

Но одновременно именно в женской среде в эти годы стало зарождаться и быстро набирать силу тяга к комфорту как к некоей новой материальной реальности. Партийные функционеры обозначили эту «болезнь» как «мещанство», «потребительство», «накопительство». Отсюда в упрек женщинам начало ставиться не только желание побольше заработать и получше купить, но и все возрастающее число случаев «расхищения социалистической собственности, мошенничества, взяточничества»³⁵. Эта новая реальность в жизни советской женщины, связанная с возможностью купить что-то дорогое и дефицитное, начинается в 1970-е годы. К самым важным вещам подобного рода относились мебель, хрусталь, посуда, ковры, золото, украшения. Также в число дефицитных вещей прочно вошла определенная категория продуктов.

Конечно, даже такая косвенная причина, как тяга к устройению дома комфорта, послужила для партии серьезным сигналом, свидетельствующим о том, что женщину опять потянуло в семью, а значит, стали рваться ее общественные, коллективистские навыки, ее устремленность к общественному труду. При этом партия не бросала тень на семью, не обвиняла ее в отторжении женщины от производства, а в качестве врага объявляла абстрактное «мещанство». То есть опять речь шла, как и в 1920-е годы, о «старом быте», о

«пережитках прошлого», «о болоте домашнего труда». Подобная партийная риторика также была в духе возвращения к «чистому ленинизму».

Значительный сегмент художественных фильмов, снятых в 1970—1980-е годы, — был посвящен теме вреда, какой приносили социализму накопительство и «мещанство»³⁶. Вспомним, как колхозник Иван, герой фильма В.М. Шукшина «Печки-лавочки», ставит вопрос перед горожанином в разговоре в поезде: нельзя деньги превращать в формальный инструмент оценки труда. В деньгах, настаивает он, обязательно должны быть и совесть человека, и добросовестное отношение к труду, и сердечность, и трудолюбие, и профессионализм. А иначе с тебя снимается ответственность за беспокойство об урожае, за возможность его улучшать, и т.д. Также наполните их «товарностью», говорит Иван, привезите в село все необходимое для сельчанина, все, что имеет у себя горожанин. Конечно, в большинстве фильмов вопрос о богатстве не ставился так остро и глубоко, как у Шукшина; чаще речь шла о деньгах, разлагающих нравственность, причем независимо от того, кто увлекается «потребительством» — обычный уголовник, обладатель «доходного места» или образованный, с изысканными вкусами интеллигент, увлеченный антиквариатом. Кинематограф не только уловил эту острую тему, но и делал свою работу, во многом сужая смысловое поле проблемы, как того и хотела партия.

Партии приходилось лавировать между официальной критикой мещанства и констатацией того, что общество вступает в новую фазу развитого социализма, что коммунизм не за горами, что повышение жизненного уровня является важнейшей задачей партии и правительства³⁷. На глазах стал распадаться весь реальный советский сектор конвертации богатства. Власть понимала, что вслед за дальнейшим повышением уровня жизни в обществе будут нарастать несоциалистические настроения, и с этим надо что-то делать. Увеличение зарплаты с 80 руб. в 1960 г. до 150 руб. в 1970 г. (среди рабочих) и с 46,6 руб. в 1960 г. до 100,9 руб. в 1970 г. (среди колхозников)³⁸

³⁴ На долю женщин приходилось лишь 8% нарушений трудовой дисциплины, они реже меняют работу, работают более творчески, воспринимают идеологические призывы «трудиться по-коммунистически», не формально. — См.: Мартынова Э.И. Указ. соч. С. 66.

³⁵ Там же. С. 69.

³⁶ По нашим подсчетам.

³⁷ Пропагандисты писали: «Для развитого социализма характерны зрелые социальные отношения, развивающиеся на основе беспрецедентного (!) господства социалистической собственности и полного утверждения социалистических принципов распределения. Созданы предпосылки для более широкого и последовательного решения главной социалистической задачи — всеобщего роста материального и культурного уровня и всестороннего развития всех членов общества». — См.: Доходы трудящихся и социальные проблемы уровня жизни населения СССР / Под ред. Г.С. Саркисяна. М., 1973. С. 4.

³⁸ Там же. С. 24.

сразу дало народу почувствовать, что деньги можно тратить не только на еду. При этом социальные гарантии сохранялись, более того, эта сфера также улучшалась, она обрела некие свои канонические черты. В целом, система социального обеспечения³⁹ для рабочих и служащих сложилась к середине 1950-х годов, а для колхозников — к середине 1960-х годов⁴⁰. Экономисты начинают бить тревогу: «нельзя и дальше увеличивать бесплатные блага для трудящихся, нужно сочетать их с хозрасчетным медицинским обслуживанием, привлечением дополнительных средств из личного бюджета»⁴¹. Опасения экономистов и партийные интересы в данном случае совпадали, потому что для партии тоже было важно, чтобы женщины в современных условиях обрели некую идеологическую прививку от расположения к роскоши и богатству, чтобы их силы тратились на социалистические «духовные ценности»: социалистическое образование, социалистическую культуру, партийные цели. Скажем, одни только членские взносы — партийные, профсоюзные, международные (в фонд мира и т.п.) могли бы вытягивать (и вытягивали) из семейного бюджета значительные суммы денег. И как важно было для партии, чтобы женская потребительская активность была направлена именно сюда, а не на улучшение «мещанского быта».

Однако планы создания «новой женщины» — идеологической и партийной, удобной для манипуляций как внутри страны, так и на международной арене очень скоро потерпели фиаско. Слишком близкими и многообещающими были для женщин перспективы увеличения материальных благ, создания все более улучшенных условий быта, чтобы так просто было расстаться с ними и поменять на «революционный идеал». И хотя партия вплоть до кончины Брежнева продолжала действовать в этом направлении, но этой партийной романтикой была охвачена только некоторая часть интеллигенции, а не весь народ и не его женская часть. Для основной части женщин реальный жизненный прагматизм был более ценен, и именно он заставлял их действовать более в интересах семьи, чем государства. Как отмечает чуткий и внимательный аналитик тех

лет, писатель Л.И. Бородин, в народе именно в эти годы стало распространяться всеобщее безверие в политические мифы: «Свершилось! На одной части суши сформировался “новый советский человек” — будущий могильщик коммунистического режима»⁴². Именно в период активизации воинствующей атеистической кампании в начале 1960-х годов у власти опять, как и в 1920-е годы, появляется идея «наполнить церковные обряды новым содержанием». При этом во главу угла ставится идея материального счастья. «Во многих сельских Советах стали оборудоваться т.н. “комнаты счастья” для проведения бракосочетаний. Туда завозили новую мебель, ковры, как символ богатства и благополучия, расстилали

Плакат. Слава матери-героине

³⁹ К системе социального обеспечения относились: 1) пенсия как основной вид социального обеспечения (по старости, инвалидности на войне и производстве, семьям рабочих, служащих и военнослужащих, за выслугу лет работникам науки, персональная пенсия, в системе отдельных ведомств, колхозные пенсии (с 1964 г.); 2) медпомощь, отдых, всероссийское общество слепых, всероссийское общество глухонемых, государственные пособия; 3) помощь от профсоюза; 4) детские пособия: пособие по многодетности (единовременное) — за 3-го ребенка 200 руб., 4-го — 650 руб., 5-го — 850 руб., и т.д. до максимума выплаты — 2500 руб.; пособие за второго ребенка — от 40 до 150 руб. до 5 лет; пособие одиноким матерям — от 50 до 100 руб. — Аралов В.А., Левшин А.В. Социальное обеспечение в СССР. М., 1959. С. 42.

⁴⁰ Миловидов А.С. Указ. соч. С. 44.

⁴¹ Доходы трудящихся... С. 24.

⁴² Бородин Л.И. Без выбора: Автобиографическое повествование. М., 2003. С. 61.

⁴³ Чеботарев С.А. Тамбовская епархия 40—60 гг. XX века. Тамбов, 2004. С. 219.

плюшевые скатерти. Молодых у входа встречали председатели колхозов, райисполкомов, депутаты, причем не традиционным хлебом-солью, а тортами, что должно было означать пожелание сладкой жизни»⁴³.

Эта характеристика объясняет сущность тех изменений, что произошли в обществе в хрущевский период (а может быть и ранее). Отсюда тяга к комфорту (современной государственной стратегии!), которая очевидным образом появилась в обществе, развивалась на фоне быстро распространяющегося общего равнодушия ко всему официальному, идеологическому, партийному. При этом одно дополняло другое. Партийный идеал, сведенный к нулю, освобождал силы и энергию для народного движения в сторону идеала комфорта. В 1948 г. М.М. Пришвин записывает в дневнике: «Надо помнить, что в старой России культивировалась жалость, и случалось, миллионер ходил как нищий (Н.И. Романов). Но теперь богатство не считается пороком, а скорее доблестью. Это понятно, это и во мне. Но на этом же основании жизнерадостно формируется хам»⁴⁴. Послевоенный восстановительный период — время бедности, но в обществе, как замечает писатель, уже ясно обозначен личный материальный интерес как доминанта поведения. Цена просто богатства, без конвертации, уже была обозначена. Но не все потянулись за этим богатством. Даже партийная среда разделилась надвое: бюрократов, доктринеров и природно русских, практиков⁴⁵. При этом «со стороны общественной: что ни человек, мало-мальски хороший, русский и честный, так страдалец-мученик. Все научились отказываться от материальных благ, и никто не готов к ответу на вопрос: “А во имя чего вы отказываетесь?”. Своего ответа нет ни у кого, потому что все позиции заняты чиновниками»⁴⁶. Интересно и другое наблюдение писателя отно-

сительно возрастающей власти нового богатства: «Русский человек всегда жил под бременем, и теперь мне даже есть какое-то удовлетворение в сознании себя настоящим русским человеком, имеющим нравственное право смотреть на богатых, могущественных и властных людей, как на что-то проходящее, несущественное и ... незавидное»⁴⁷.

Но уже вскоре, в последующие годы, начинается нарастающее расслоение, которое захватывает уже и «хороших и честных, русских» и к 1970-м годам общество в массе своей, как пишет в одном письме Виктор Петрович Астафьев, охватывает «жажда приобретательства»⁴⁸. К 1980 г. в Сибири «спекулянты и барахольщики» распространились среди студенчества⁴⁹.

В 1950 г., когда теневой бизнес стал еще только обосновываться в столице, власть не могла в одночасье уничтожить это явление, поскольку дело было уже не в лицах, а в укоренившейся среде. Исследователь этой темы считает, что теневой бизнес появился в СССР сначала в малоразвитом секторе экономики — сфере услуг⁵⁰. «Услугами теневиков пользовались все: от рядовых граждан до партийных бонз»⁵¹. Каждый из современников той эпохи, конечно, мог бы непременно рассказать что-то свое на эту тему⁵². Наиболее активно теневые доходы росли со второй половины 1950-х годов (превысив совокупные доходы колхозников) до 1961 г., затем началось снижение и стабилизация, а с 1967 по 1971 г. наблюдался опять всплеск их роста⁵³. Автор отмечает, что борьба с теневым бизнесом началась уже в 1940-е годы, но все же тогда теневая экономика по масштабам своим и по ассортименту продукции была несравнима с экономикой 1960-х — 1980-х годов. Теневая экономика хрущевского и брежневского периодов работала уже «на идею», а не просто «на единичный спрос». И идейность ее была

⁴⁴ Пришвин М.М. Дневники. 1948—1949. М., 2014. С. 43.

⁴⁵ Там же. С. 231, 523.

⁴⁶ Там же. С. 523.

⁴⁷ Там же. С. 547.

⁴⁸ Астафьев В.П. «Нет мне ответа»: эпистолярный дневник. М., 2012. С. 265.

⁴⁹ Там же. С. 369.

⁵⁰ Бокарев Ю.П. Указ. соч. С. 209.

⁵¹ Там же.

⁵² В 1960-е — 1970-е годы, в мои детские годы, проходившие в г. Отрадном Самарской (тогда Куйбышевской) обл., до меня нередко доносились такие слова, как «блат», «база», где находились самые разные дефицитные товары и откуда по знакомству они добывались кем-то, в том числе и моими родителями. Директор мясокомбината, живший в нашем подъезде, порой нуждался в домашних соленьях, и его жена приходила к моей маме и просила, по-соседски, «баночку соленых огурчиков» или «маринованных помидорчиков», «моченых яблок» и т.п., а в знак благодарности оставляла у нас сверток с невиданными в городе копченой колбасой, сосисками и окороками. Книжный магазин и главпочтамп были источниками получения дефицитной литературы (собраний сочинений прежде всего), поликлиника вела себя более тихо и приземленно. Но и отсюда прогремело на весь город дело дантиста, который был посажен за спекуляцию золотом. В магазинах, как продуктовых, так и промтоварных, нельзя было не иметь кого-то «из своих», иначе не было шанса приобрести дефицитный товар.

⁵³ Бокарев Ю.П. Указ. соч. С. 211.

напрямую завязана на появление в обществе «идеала комфорта». Несомненно, что основными проводниками нового идеала выступали сами партийные чиновники, и не случайно активную борьбу с теневым бизнесом свернули именно по причине «общественного недовольства и из-за вовлеченности самой власти в сферу нелегального бизнеса»⁵⁴.

Стоит сказать еще об одном явлении этой эпохи, а именно — об антиконвертации, когда власть платила деньги за разрушение духовной сферы, или же разрушала природную или культурную среду только по той причине, что там находились зримые и привлекательные для простых людей свидетельства религиозной духовности. Первых было больше в годы революции, но и после войны это происходило. М.М. Пришвин приводит в дневнике любопытный диалог с одним из молодых артельщиков, подрядившихся в 1930 г. снимать и вывозить колокола в Троице-Сергиевой лавре. За работу артельщики получали по 50 коп. с пуда веса вывезенного металла. В среднем у артельщиков выходило по 8,5 рубля в день⁵⁵. Вот как оправдывал свои действия один из рабочих: «Православный? — спросил я. — Православный, — ответил он. Не тяжело было в первый раз разбивать колокол? Нет, — ответил он, — я же за старшими шел, и делал как они, а потом само пошло»⁵⁶. Несомненно, таких случаев после войны уже не было, в хрущевское и брежневское время активно боролись со святыми источниками, местами традиционных паломничеств, с храмами, иконами, церковной литературой, со всем, что привлекало верующих к себе. В послевоенной России общество стало более четко разделенным, чем в 1920-е годы, на верующих и неверующих. Власти не надо было платить тем, кто трудился над разрушением церквей в начале 1960-х годов, люди делали это «по производственной разнарядке», как часть своей работы в колхозе или на производстве. Делали, конечно, без охоты, но и не отказываясь. Защищали храмы от разрушения в эти годы, в большинстве своем, верующие женщины, но и им не всегда это удавалось. Здесь хочется привести два характерных для тех лет примера, связанных с защитой женщинами церковных святынь. Один был рассказан мне З.К. Яшиной, вдовой поэта Александра Яшина, который сам вместе с женой являлся участником описываемых событий. «Чудотворная икона, Дуниловская, являлась достоянием всей деревни. Когда крестьяне шли на свои полевые работы, бабы всегда заходили к Поповым, крестились, кланялись перед образом. Икона именовалась Дуниловской, а по иконографии была Казанской. В верхней части ее был

образ Казанской, а внизу — святитель Николай. Когдато она приплыла по реке Югу и пристала к берегу возле того места, где село Дунилово. Здесь и хранился прославленный чудесами этот образ до революции. Когда большевики обитель закрыли, икону забрали крестьяне и стали прятать по домам. Долгое время она находилась в деревне Блудново в родительском доме Яшина — в доме Поповых. В день памяти Дуниловской иконы Божией Матери со всех окрестных сел в округе до 70 км собирался народ, икону поднимали и шли крестным ходом к месту ее обретения — в село Дунилово. “Когда я в первый раз приехала к Александру на родину, — говорит Злата Константиновна, — то был крестный ход в Дуниловскую пустынь с чудотворной иконой. И Александр меня позвал на крестный ход: “Пойдем и мы”. Партийные деятели в советское время каждый раз, как подходило время крестного хода, думали, как бы сорвать проведение религиозного праздника. А люди шли и святыню почитать, и получить утешение, исцеление, вели под руку больных старушек, несли на руках детей. Придя к месту явления, крестный ход, состоящий большей частью из женщин, без священников, на берегу, обычно совершал молитвенное пение и поклонение иконе. А в один год, когда в нем участвовал и Яшин, местные партийные борцы с религией придумали, как предотвратить приход крестного хода на берег реки. Сюда завезли мазут и обмазали им весь берег, там, где всегда собирались люди. Мазут привезли заранее, накануне праздника, и в то время, когда уже шел этот величественный и огромный крестный ход, здесь берег замазывали мазутом. Вы бы видели этих вологодских баб, очень красивых в праздничной одежде. Удивительно красивые крестьянские наряды: сарафаны, фартуки, *вышивка на одежде, все в беленьких платочках... Крестный ход подошел к святому месту, и люди увидели везде размазанные куски черного мазута. Что было делать? И бабы одна за другой стали подходить к бережку и слизывать этот мазут, потом уходили и где-то в стороне выплевывали его. К утру берег оказался чистым. Снять лопатой все это было невозможно”*».

Другой случай я услышал от простой сельской чернички: «Я была небольшая еще, — вспоминает М.П. Огурцова, — но помню, как колокола с церкви снимали. У нас есть такая Тоня, а с ней жила еще тетя Катя. Когда-то эта тетя Катя — монахиня, жила с другой монахиней Анастасией, в миру Ольгой, калекой. У той были ручки короткие, и на каждой только по три пальчика. Когда колокол сбросили, он врезался в землю. Эти монашечки подошли и пропели стих: “Умолкли священные

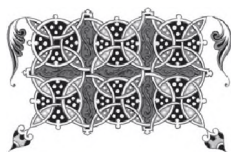

Три степени ордена

речи, и звон колокольный затих”. Представитель власти из района затопал ногами и закричал: “Я вас отправлю туда, где ворон костей ваших не найдет”. А у Ольги шаль колыхнулась, и ручки ее маленькие открылись, как два крылышка. Этот представитель так и обомлел и даже заробел. “Ну, благодари Бога, что ты такая калека, а то сейчас бы арестовал”. Все это время гонений было по попущению Божию. *Помните, как Господь ожесточил сердце фараона, когда нужно было вывести из Египта народ Божий? Так и у нас было в советское время*⁵⁴.

Приведенные примеры можно было бы множить, потому что в массе своей верующие люди, пережив войну, уже приобрели некий иммунитет от страха. Показательно другое: реализуя утопическую модель воспитания коммунистической женщины, власть не могла уже действовать

как прежде, опираясь на энтузиазм и патриотизм русских женщин. Здесь ей приходилось использовать силу, принуждение, обман, обещания «сладкой жизни», предательство и конформизм тех людей, которые, зная правду, готовы были активно помогать проводить эту политику в жизнь. Но на принуждении и обмане нельзя было построить что-то основательное и тем более долговременное. И действительно, все последующее время, вплоть до начала 1990-х годов, наблюдалась деградация данной утопической модели конвертации, что указывало на истощенность духовных ресурсов советской власти. Но даже исчерпав свой ресурс, советская власть продолжала держать богатство в своих руках, не конвертируя его, а значит делая формальным, выделяя лишь малую толику от него Церкви и обществу на конвертацию.

⁵⁴ Там же. С. 212.

⁵⁵ Пришвин М.М. Дневник. 1930–1931. М., 2006. С. 17.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Мария Петровна Огурцова (с. Тишанка). Экспедиция ИЭА РАН 2001 г.